

а «варить»; *аблIес* (точнее: *а-б-лIес*, стр. 249) — не «идти», а «прийти»; *абтис* (стр. 257) не «оставить», а «освободить, пустить»; *боцIцIас* (стр. 258) — не «стоять», а «стирать»; *хъан кесс* (стр. 265) — не «родиться», а «отелиться». В хиналугских примерах *вох* (стр. 175) означает «жернов», а не «мельница», *цIили* (стр. 260) — «сеять; наполнять», а не «пахать».

Большие трудности, очевидно, представляла для исследователей проблема выбора словарной формы для каждой части речи в целом и по каждому языку, поскольку приводятся лексемы, а не морфемы или основы. Действительно, выбрать для всех языков одни и те же грамматические формы едва ли возможно. Так, например, глагол в одних языках знает категорию инфинитива, а в других нет, в одних языках в словоформе легче выделить показатели одного класса, а в иных — другого класса, не говоря уже о том, что состав классов по языкам не совпадает, и т. п. Тем более в пределах каждого языка следовало бы выбрать соответствующие опорные формы и придерживаться принятого условия. Тенденции подобного рода, несомненно, имеются в словаре, но они выдержаны не до конца. Так, арчинские прилагательные даются без достаточного основания с показателями разных классов: *цIубатту-т* (4 кл.) «белый» (стр. 216), *йатIынну-б* (3 кл.) «красный» (стр. 221), *кьуретту* (1 кл.) «сухой» (стр. 218), слово же *б-икъатту* «голодный» (стр. 218) имеет префиксальный показатель 3-го класса и суффиксальный — 4-го; форма *мацIат* «новый» (стр. 222) в отличие от всех прочих приведена в усеченном виде (вместо *мацIатту*). Арчинские глаголы также даются с показателями разных классов: *къан к-в-ес* (1 кл.) «любить» (стр. 253), *кьурас* (4 кл.) «сохнуть» (стр. 268), *а-б-цIас* (3 кл.) «наполниться» (стр. 255); в статье «опорожнить» (стр. 257) вместо глагола *б-ачIи-б-у а-б-ас* (3 кл.) приведено прилагательное (во 2-м классе) *да-чIартту-р*; в статье «открыть» вместо реальной словоформы

даблъас (этот глагол по классам не изменяется) приведена форма на некотором морфемном уровне: *да-х* (стр. 259).

Хиналугские глаголы приводятся в форме причастий нерезультативного вида (это не очень удачно, так как морфологически она сложнее форм результативного вида, и приходится специально выделять видовые суффиксы *-ри*, *-ли*, *-ви*), а глагол «гаснуть» (стр. 244) дан в форме одного из прошедших времен от результативного вида: *кIи-ш-аьмаь*.

Все эти замечания показывают, насколько трудные задачи стояли перед авторами рецензируемого исследования. В силу необходимости им нередко приходилось впервые решать многие вопросы синхронного описания дагестанских языков, не получившие разработки в специальной литературе. В подобной ситуации ошибки неизбежны.

Конечно, последующие исследования не только внесут в обсуждаемый труд немало коррективов, но и существенно расширят его объем (в работе не учтены, например, общedaгестанские лексемы со значениями «молоко», «хвост», «тур», «палка», «серп», «делить», «есть», «косить», «убивать»). Однако, едва ли возможно сомневаться в том, что именно рецензируемая монография послужит отправным пунктом всей дальнейшей работы в области сравнительно-исторической лексикологии нахско-дагестанских языков. Этот труд будет, несомненно, стимулировать и развитие описательного дагестановедения, важность которого для компаративистских исследований трудно переоценить. Настоящая работа будет полезна дагестановедам-синхронистам еще и потому, что, собирая воедино многочисленные факты всех языков, она позволяет шире взглянуть на место тех или иных грамматических и фонетических явлений в их типологии. Думается поэтому, что имеются все основания поблагодарить дагестанских лингвистов за создание большого и интересного труда.

А. Е. Кибрик, Г. А. Климов

Е. С. Скобликова. *Согласование и управление в русском языке.* — М., изд-во «Просвещение», 1974. 238 стр.

Способы связи слов, которые принято называть согласованием, управлением и примыканием, очень разнообразны. В последнее время все чаще высказывается мнение о необходимости пересмотра традиционного учения о видах грамматических связей между словами и введении в науку новых, более дифференцированных и точных понятий в этой области, более эффективной системы описания соответствующих конструкций.

К этой апелляции пересмотра и уточнения способов синтаксической организации слов в связной речи присоединяется и Е. С. Скобликова, опубликовавшая интересную и содержательную монографию о семантико-грамматической природе согласования и управления в русском языке.

Целью работы является характеристика «механизма» согласования и управления с точки зрения принципов, лежащих в их основе. Анализируются семантико-

грамматические функции управления и согласования, а также факторы, которые определяют выбор данной управляемой или согласуемой формы слова. При этом затрагиваются вопросы взаимодействия синтаксиса и лексики в сфере управления синтаксической валентности слова и слов определенных лексико-семантических групп, грамматического значения в синтаксисе, выясняется, какие грамматические категории участвуют в согласовании и управлении; автор касается проблемы словосочетания, второстепенных членов предложения.

В книге представлен метод «активной грамматики» Л. В. Щербы, призывавшего изучать те или иные грамматические явления, исходя «из потребностей выражаемой мысли»¹.

В первом разделе «Основные вопросы трактовки управления в современной синтаксической науке» автор показывает, что в понимании управления в русской науке наметились два направления. Сторонники узкого понимания управления ограничивают это понятие, связывая «синтаксическую функцию» зависимого падежа с выражением объектных, субъектных и предикативных отношений, а «семантическую функцию» — с выражением обстоятельственных отношений. При этом под управлением понимается только такая связь, «при которой имя, зависящее от глагола, другого имени или наречия, стоит в форме косвенного падежа с объектным или комплетивным значением»². В присоединении же косвенных падежей с «наречной» функцией усматривается «именное примыкание»³.

Автор монографии присоединяется к тем исследователям, которые придерживаются традиционного, широкого понимания управления, под которое подводятся все случаи, когда падежные и предложно-падежные формы находятся в подчинении у господствующего слова, выражая определенные смысловые отношения (стр. 25—26). Таким образом, автор относит к управлению и предложные конструкции необъектных глаголов (например, *ехали к лесу, ехали в лес, росли у реки, росли за рекой* и т. п.), и именные конструкции (например, *кувшин для молока, житель Москвы, ручка от двери* и т. п.). Конструкцией с примыканием признается «глагол + зависимое наречие» (например, *росли внизу*). При этом подчеркивается, что примыкание «не располагает грамматическими средствами для выражения разных реальных отношений; оно

может передавать различия этих отношений только лексически» (стр. 31); следовательно, при примыкании речь идет только о лексическом выборе. Самостоятельными, «активными» способами грамматической связи слов в предложении, по мнению автора, являются только согласование и управление. Автор не может согласиться с тем, что управляемая форма зависит непосредственно и преимущественно от лексических особенностей управляющего слова. Форма управляемого слова, по его мнению, зависит скорее всего от плана смыслового содержания.

Во втором разделе анализируются функции согласования и управления. Управление располагает наибольшими возможностями в грамматическом выражении различных смысловых отношений между словами словосочетания и предложения. Оно определяется как падежный и предложно-падежный способ грамматического выражения отношения глагольного действия к предмету. В противоположность этому согласуемые формы показывают лишь, к какому предмету относится признак или действие. Участие согласования, управления и примыкания в синтаксической организации слов не ограничивается рамками словосочетания. Некоторые зависимые формы относятся к группе членов или ко всей структуре предложения и могут зависеть от всего строения предложения.

В третьем разделе описывается роль различных факторов в выборе падежной или предложно-падежной формы при управлении. «Широкое» и «узкое» понимание управления автор связывает с учением о словосочетании. Формирование словосочетания происходит не «до предложения», а в предложении как акте коммуникации. Автор не согласен с мнением, согласно которому словосочетание считается автономной единицей по отношению к предложению, существующей независимо от предложения и входящей в предложение в готовом виде (стр. 46).

Главным условием, определяющим выбор зависимой падежной или предложно-падежной формы, по мнению Е. Скобликовой, является потребность выразить определенные отношения между предметами и явлениями реальной действительности. И лишь как дополнительные факторы выступают: а) роль грамматических особенностей господствующего слова в выборе падежных и предложно-падежных форм, б) конкретное лексическое наполнение конструкции.

В четвертом разделе автор ставит целью выявить и описать две системы функционально однородных падежных и предложно-падежных средств. Исследованию подвергаются сравнительно узкие группы синтаксических конструкций, выделенные на основе функционально-семантического принципа: обстоятельственные конструкции, выражающие момент

¹ Л. В. Щ е р б а, Преподавание иностранных языков в средней школе, М.—Л., 1947, стр. 84.

² «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 139.

³ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 516.

времени, и объектные словосочетания с глаголами речи, в которых падежная или предложно-падежная форма обозначает второго участника речи.

Детально проанализированы конструкции со значением промежутка времени в трехчленной оппозиции: предшествования обозначенному времени (*до собрания, перед собранием*), совпадения с обозначенным временем (*во время собрания, на собрании*), следования после обозначенного времени (*после собрания*). В конструкциях, определяющих второго участника речи, рассмотрены способы выражения второго активного участника речи (*говорил с братом — говорил брату*), пассивного участника, участника речи — ее адресата (*доложил командиру*), наличия или отсутствия обозначения адресата речи («В это время докладчик Вельяминов... отвечал Акундину: „Вы правы так же, как права лавина, когда обрушивается с гор...“», А. Н. Толстой, Сестры. «Люся ходила в детский сад. Я спросил, как ей там живется. „Плохо“, — отвечала девочка, там же).

В пятом разделе определяется роль грамматических и смысловых факторов в оформлении согласуемого слова. Согласование автор считает наиболее «формализованным» способом установления связи между словами. Принципы согласования рассматриваются отдельно по каждой из категорий, которые может иметь согласуемая подчиненная форма. Такими являются формы рода, числа и лица. При выборе формы рода различаются несколько видов согласования: собственно грамматическое, условно-грамматическое, ассоциативно-грамматическое и смысловое согласование. При выборе формы числа согласование также зависит от грамматических и семантических особенностей господствующего слова. Согласование глагола-сказуемого с подлежащим зависит не от речевой ситуации, а от словесного выражения субъекта.

В шестом разделе рассматриваются явления, которые иногда не по праву относятся к согласованию. Речь идет о падежном параллелизме двух существительных в сочетаниях с приложением и предикативным существительным. Это особый способ синтаксической организации слов,

стоящий ближе к управлению, чем к согласованию.

Работа дает ясное представление об участии форм слова в синтаксической организации строго нормированной речи. По сути учтены все возможности употребления субстантивных падежей в предложениях.

Возможные замечания касаются прежде всего понятной неполноты работы. В отдельных случаях можно встретить абстрактные рассуждения, не подкрепленные достаточным иллюстративным материалом и поэтому трудно воспринимаемые. Отдельные положения не наполнены конкретным содержанием (стр. 82, 83, 102, 137, 141 и др.). Не раскрыты факты «примыкающего соединения» (по Н. Ю. Шведовой), когда в субстантивном словосочетании подчиненное существительное ставится в форме именительного падежа. Не раскрыта синтаксическая функция обращения. Автор не объясняет, как эта функция получает свое выражение при помощи входящих в предложение форм слов (стр. 234). Не нашла в работе достаточного отражения синонимичность и валентность слова в формировании управления и согласования. Интересно было бы, наверное, предложить анализ управления при словах — различных частях речи, отмечая синонимы и антонимы: это позволило бы показать, какими возможностями какое слово располагает, сколько беспредложных и сколько предложных конструкций оно способно образовать. Ср., например, ограниченность управляемых форм при слове *страх* и большее их число при слове *борьба* и т. п.

Эти и некоторые другие мелкие недочеты не снижают достоинств анализируемой книги. Она содержит много хороших и полезных рекомендаций и дает обильный материал не только для изучения способов синтаксической связи в словосочетании, но и для грамматической характеристики второстепенных членов предложения: «последние связаны с наиболее крупным разграничением компонентов предложения в соответствии с их коммуникативно-семантическими функциями» (стр. 236).

М. В. Симулик

«Этнография имен», ред. В. А. Никонов и Г. Г. Стратанович. — М., изд-во «Наука», 1971. 264 стр.

Имена собственные, занимающие весьма своеобразное место в словаре любого языка, выступают в качестве объекта целого ряда общественных наук — языкознания, этнографии, истории, географии, социологии и т. д., поэтому вполне

закономерно рассмотрение их с разных точек зрения. Вышедший под редакцией В. А. Никонова и Г. Г. Стратановича сборник «Этнография имен», подготовленный группой ономастики Института этнографии АН СССР, посвящен, как